

К. ШРЕК
(Дебреценский университет, Дебрецен)

ТРАКТОВКА ЭПОХИ СВЯЩЕННОГО СОЮЗА В ВЕНГЕРСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ (1867–1990)

Abstract:

Schrek K. *Concepts of the Age of the Holy Alliance in the Hungarian historiography (1867–1990)*

The article considers concepts developed by Hungarian historians, their interpretations of the phenomenon of the Holy Alliance, the epoch, which got its name from it and the whole system of international relations of the first half of the nineteenth century.

Ключевые слова: Священный союз, историография, международные отношения, Венгрия.

Эпоха Священного союза являет собой определенный этап в истории европейской политики и дипломатии. И в зарубежной, и в венгерской историографии этот период, датируемый 1815–1848 гг., традиционно изучается с самых разных точек зрения. В настоящей статье мы хотели бы представить вниманию читателей те позиции и мнения, которые выработала венгерская историография о данной эпохе и самом Священном союзе. Мы рассмотрим этапы в развитии профессиональной венгерской историографии между 1867 и 1990 гг. в хронологической последовательности. Рамки статьи не позволяют дать полный обзор, поэтому здесь мы постараемся в общих чертах обрисовать и представить эволюцию взглядов и возможных путей интерпретации Священного союза, одноименной эпохи и связанной с ними системы международных отношений.

Если оставить в стороне политические памфлеты и трактаты, то в первых в Венгрии сугубо исторических работах о Священном союзе внимание ученых сосредоточивалось на событиях европейской истории после 1815 г. и самом понятии Священного союза. Примером таких работ могут служить сочинения Михая Хорвата (1809–1878) и Гезы Баллаги (1851–1907). Характерной чертой венгерской исторической науки¹, окончательно превратившейся в последней трети XIX в. в профессиональную, являлось то, что сюжеты из всеобщей истории часто рассматривались довольно обзорно, исключительно как фон для истории национальной. Причиной тому служило в первую очередь стремление к утверждению национальных интересов, которое лежало в основе венгерских исторических сочинений тех лет. Представитель так называемого незави-

симого лагеря² в венгерской исторической науке Михай Хорват, исповедовавший либеральные взгляды и выступавший за политическую самостоятельность Венгрии, в своем многотомном труде «История Венгрии» первым дал обзор политической истории в 1815–1848 гг. Впрочем, его взгляд на изучаемую эпоху отличаются пессимизм и ирония. Он критиковал великие державы и возлагал на них ответственность за то, что те не создали условий для того, чтобы в долгосрочной перспективе можно было добиться «как справедливого разделения властей, так и уважительного обращения с национальностями»³. Отдельно он рассматривал отсутствие необходимых структурных изменений внутри Габсбургской монархии.

В похожем ключе написан том «Двадцать пять лет венгерской истории с 1823 по 1848 гг.», с которым связано одно из самых важных замечаний касательно общности идеи и целей Венского конгресса и Священного союза. М. Хорват априорно считал целью конгресса введение более жестких политических принципов и удержание национальных движений в строгих рамках. Для соответствующей главы труда характерно рассмотрение национальных процессов в отрыве от европейского контекста, а также выделение определенных сегментов имперской дипломатии – особенно австрийской линии – и проецирование их на ситуацию в Венгрии. По мнению историка, Венская система – в первую очередь под влиянием князя Клеменса Меттерниха (1773–1859) – «принимала во внимание только права господствующей верхушки, только их она стремилась оградить новыми гарантиями при помощи принципа легитимности»⁴. Тем самым, легализация прав отдельных народов стала невозможной, а выработанные для сохранения статус-кво государственные принципы были зафиксированы в документах Священного союза. Как следствие, «политика реакции, давления, угнетения <...> стала обычной в управлении государствами Европейского континента»⁵.

Современник М. Хорвата – Г. Баллаги – обратился к означенной проблематике в труде «Эпоха становления национального государства», который представлял собой девятый том из десяти-томной «Истории Венгрии», вышедшей в свет под общей редакцией Шандора Силади (1827–1899). По мнению автора, основную проблему составляли расхождения в интерпретации понятий «революция» и «легитимизм», что затем и стало фактором, дестабилизировавшим Венскую систему⁶. Для великих держав «революция означала слом традиционных государственных и общественных институтов и провозглашение народного суверенитета»⁷. Од-

нако в противовес ведущим европейским политикам народы континента под революцией «понимали слом государственного устройства, произошедший при Наполеоне, а под легитимностью – полноту власти монарха, идущую от Господа <...> и неприкосновенность династических прав»⁸. Порядок, установившийся после 1815 г., в сущности своей был не чем иным, как «реставрацией при поддержке реакции»⁹. Он был главной гарантией мира в противовес революциям, что особенно ярко проявлялось в политике австрийского правительства¹⁰.

Общей чертой всех рассмотренных произведений – как уже отмечалось ранее – является применение специфически венгерского исторического нарратива, и это можно понять: подобные рассуждения, все без исключения, взяты из монографий, посвященных определенному периоду национального прошлого, а не из работ по всеобщей истории.

Создание первого по-настоящему обобщающего исторического научного труда связано с именем Хенрика Марцали (1856–1940). При рассмотрении периода 1815–1848 гг. он уже не ограничивается Габсбургской монархией и Венгрией, но опирается на широкий европейский контекст. В своей «Истории Нового времени» (1885) Марцали подробно описал революционную эпоху, период окончания Наполеоновских войн, Венский конгресс и последовавшее установление нового миропорядка на континенте. Именно на фоне этих событий он и рассматривает создание Священного союза, называя самые значительные события эпохи «декларацией о намерениях». По мнению Марцали, у документа, который скрепили русский царь Александр I, прусский король Фридрих Вильгельм III и австрийский император Франц I, было два главных недостатка. Один состоял в том, что сам союз был «создан для правителей»¹¹, и о праве народов на самоопределение никто не думал. Второй заключался в том, что «христианскую веру отождествили с абсолютизмом»¹². Тем самым Священный союз не только сдерживал революционные волнения, но и контролировал действия, направленные против господствующего религиозного строя, что сказывалось как на свободе печати, так и на свободе совести. Марцали полагал, что «европейские правительства существенно отстали от уровня, достигнутого просвещенным абсолютизмом в прошлом веке»¹³. Соответственно, создание союза в такой форме оказалось как в общественном, так и в политическом плане явлением неблагоприятным.

Одной из основных причин сложившегося положения Марцали называл полное игнорирование прав национальностей, что,

если учесть достижения периода Наполеоновских войн, может считаться серьезным шагом назад. Ведь параллельно с действиями великих держав в покоренных странах снизу начались антифранцузские выступления, которые внесли свой вклад в крах созданной Наполеоном империи¹⁴. Однако национальный принцип, уже игравший в ту эпоху существенную роль, еще не влиял на процесс принятия решений. Пренебрежение к нему равным образом стало ошибочным как для венских соглашений, так и для миропорядка, установившегося после 1815 г. В заключение Марцали писал: «В целом великие народы современной Европы после революции оказались еще дальше от конечных целей национального самоуправления и прогресса»¹⁵, поскольку в эпоху Священного союза, возникшего как ответ на все вышеуказанное, приоритет был за «*правом дворов*»¹⁶, а не правом народов, и эта тенденция указывала на направление, противоположное ходу исторического развития¹⁷.

Эде Вертхеймер (1848–1930) в обобщающей работе по истории дипломатии «Мирные конгрессы и мирные договоры в XIX–XX вв.» проанализировал последствия Венского конгресса и пришел к следующему заключению. Поскольку «формально под европейский полицейский надзор была поставлена»¹⁸ Франция, цели Четверного союза, который 20 ноября 1815 г. подписали Англия, Австрия, Пруссия и Россия, в основе своей не отличались от сформулированных прежде для Священного союза: ведь в принципиальных вопросах «они двигались в одном направлении»¹⁹. Далее, Вертхеймер с высоты прошедших десятилетий находил безосновательными опасения, связывавшиеся с договором, который подписали правители трех восточноевропейских империй. Ведь согласно оценке, которую дал Священному союзу К. Меттерних, это был «пустой и трескучий документ»²⁰. Причина такого высокомерного пренебрежения кроется в том, что соглашение в формальном и содержательном плане нельзя назвать классическим межгосударственным договором в традиционном понимании слова, скорее это была идеологическая декларация о моральных и нравственных принципах. Ввиду отсутствия конкретных обязательств Священный союз, таким образом, не был международным соглашением в традиционном понимании. С другой стороны, Священный союз не оказывал заметного влияния на жизнь остальных европейских государств. Автор полагал, что в эпоху конгрессов повсеместно доминирующей была идея контрреволюции, что и привело к «началу эпохи реакции»²¹. Главным двигателем этого процесса он в первую очередь считал австрийского канцлера К. Меттерниха²².

Бела Ивани-Грюнвальд (1867–1940), как и Вертхеймер, считал, что этот межгосударственный договор не был реальным дипломатическим союзом²³. Впрочем, свою позицию он обосновывал совсем по-другому и ставил во главу угла принцип баланса сил²⁴. Согласно Ивани-Грюнвальду, есть два способа достижения равновесия. Во-первых, сотрудничество всех государств против той державы, которая грозит нарушить мир в Европе. В этом случае для поддержания равновесия достаточно осуществлять совместный контроль. Во-вторых, поддержание симметрии в межгосударственных отношениях на континенте путем объединения всех европейских государств вокруг двух ведущих альянсов²⁵. Вместе с тем, смысловое наполнение понятия «баланс сил» в английском, австрийском и российском культурно-историческом контексте было совершенно иным. Для Великобритании было важно достижение ведущих позиций в мировой экономике, в то время как в сфере международных отношений притязания были консервативно скромными²⁶. Австрийские представления о балансе сил коренились в защите своих центральноевропейских интересов, когда развитие государств связывалось с прочным миром и порядком. Такая позиция изначально предполагала враждебность любым революциям²⁷. Наконец, историк особо выделял концепцию Александра I, которая, согласно Ивани-Грюнвальду, выражалась в том, что он считал европейские проблемы частным случаем борьбы добра и зла²⁸ и пытался сохранить баланс сил посредством Священного союза²⁹.

Среди исторических исследований, написанных после 1945 г., особого внимания заслуживают работы Иштвана Бибо (1911–1979). Эпоха Священного союза, по мнению философа, совпала с тем периодом венгерской истории, когда «вопрос политической и общественной независимости стал общим делом»³⁰. Корни данной ситуации он ищет в правлении Иосифа II, который проводил свои реформы во имя создания высокоцентрализованной и мощной империи. Эта тенденция, однако, сошла на нет, поскольку влияние Великой французской революции было столь сильным, что венское правительство свернуло реформы³¹. Между тем, революционные идеи сохраняли свою силу в опосредованной форме, и «в этом причина проводимой Францем I и Меттернихом реакционной, консервативной политики, основанной на компромиссе с условиями Священного союза»³². Одновременно с этим процессом Европе пришлось столкнуться с новым вызовом – требованием «переустройства общества на демократических принципах»³³, которое вскоре зазвучало повсеместно.

В работе под названием «Рукописи о легитимности (1944–1947)» И. Бибо, однако, затронул круг вопросов, связанных со Священным союзом, уже в другом аспекте, подвергая анализу сам принцип легитимности. С его точки зрения, царь Александр I в 1814 г. истолковывал это понятие совершенно иначе, нежели делал это годом позднее. Так, поначалу российский царь считал основой поддержания мира принцип легитимизма, который в чистом виде означал только законность конкретных правительств и никоим образом не подразумевал реакционность³⁴. Постепенно в сознании царя данное понятие претерпело изменения, стало более консервативным и обрело окончательную форму в документе о создании Священного союза. Причины подобной трансформации Бибо видел в возвращении Наполеона, что глубоко потрясло Александра I, повлияло на систему его идей и представлений, и после 1815 г. он начнет принимать решения именно в таком душевном состоянии³⁵.

В числе ученых периода смены идеологических ориентиров мы бы хотели выделить историка-марксиста Эржебет Андрич (1902–1986), которая достаточно подробно занималась эпохой Священного союза, или, говоря точнее, изучала дипломатический контекст венгерской революции и национально-освободительной борьбы 1848–1849 гг. Исследовательница делала основной акцент на связях между Австрией и Россией, где одной из главных составляющих, с ее точки зрения, являлась как раз эпоха Священного союза. Тесное сотрудничество между венским и петербургским правительствами она трактовала как противовес гражданским общественным силам и попытку защитить «устаревшие средневековые институты»³⁶. Между тем, социально-экономические изменения, значительно ускорившиеся в XIX в., набирали силу и к концу 20-х – началу 30-х годов XIX в. существенно ослабили основы союза, который был вновь укреплен в 1833 г. новыми договорами в Мюнхенгеце и Берлине³⁷. В данном контексте внимание Андрич в первую очередь сосредоточилось на австрийских имперско-политических интересах. Несмотря на то, что под влиянием европейских событий 1830 г. одной из приоритетных целей российской внешней политики стало более тесное сотрудничество с Австрией, заключение Священного союза, по мнению историка, соответствовало основополагающим интересам Вены, которая увязывала его с традиционной австрийской внешней политикой, ориентированной на поиск союзников и заключение соглашений³⁸.

Сходных взглядов на Священный союз придерживался Янош Варга (1927–2008): он рассматривал его в контексте проблемы венгерской независимости и в проекции на так называемую эпоху

реформ в Венгрии (1825–1848). Эрик Мольнар (1894–1966) считал сотрудничество трех держав, скрепленное договором трех правителей, внешнеполитическим принципом (средством), находящимся в полном соответствии с австрийской политикой и способствовавшим дальнейшему укреплению австрийской феодально-абсолютистской системы. «Любое прогрессивное внешне- или внутриполитическое, венгерское или общеимперское, антифеодальное и национальное стремление <...> наталкивалось на противодействие этой системы, и потому ее устранения требовала сама логика исторического развития, а ослабление давало шанс на успех прогрессивным движениям»³⁹.

В то время как работы Э. Андрич и Я. Варги представляли марксистское направление в венгерской историографии, нашего внимания также заслуживают исследования Домокоша Кошари (1913–2013) и Иштвана Диосеги (род. 1937), которые, хотя и относятся к периоду после 1945 г., однако отличаются от рассмотренной выше марксистской концепции. Среди работ по истории дипломатии и политики монографии И. Диосеги можно назвать основополагающими, поскольку дают синтез истории указанной эпохи, возникновения Священного союза, и международного контекста⁴⁰. Его работы помимо собственно изложения фактов содержат мало оценочных суждений. Важным и интересным дополнением к нарисованной картине являются рассуждения Диосеги, что характерным признаком формирования внешней политики после 1815 г. является оборонительная позиция великих держав, благодаря чему традиционная характерная для XVIII в. внешняя политика, важную часть которой составляли территориальные изменения большего или меньшего размаха, отошла на задний план, и приоритетным стало долгосрочное сохранение сложившихся международных отношений на континенте⁴¹.

В заключение нам хотелось бы остановиться на книге Д. Кошари «Политическое устройство Европы после 1815 г.», где, по сравнению с уже рассмотренными исследованиями, дается самая универсальная и многоаспектная интерпретация системы Священного союза. Автор присоединяется к мнениям, ставящим под сомнение особую значимость соглашения, однако не оспаривает его важность и вес⁴². Кошари отнюдь не стремится принизить ценность Священного союза, поскольку политические стремления и проблемы, нашедшие в нем свое выражение, проявили себя как реальные компоненты политической структуры той эпохи. Вместе с тем, с этой точки зрения неважно, какие конкретно документы давали ему право на существование или повод для отсылки⁴³. В

связи с Меттернихом автор подчеркивает, что в сочинениях, созданных уже после 1848 г., бывший канцлер стремился принизить важность Священного союза, несмотря на то, что принципы и методы, примененные австрийской стороной, оставались для него неоспоримыми⁴⁴. То, что выражение «Священный союз» превратилось в нарицательное и обрело негативные коннотации, стало заслугой прогрессивных сил эпохи и кругов, разделявших воззрения, согласно которым Священный союз был «единением трех восточноевропейских держав <...> на службе у политики интервенции»⁴⁵.

Подводя итоги, можно сказать, что Священный союз и эпоха, названная по его имени, получали в венгерской историографии совершенно различную интерпретацию. Вместе с тем, есть и некоторые общие мотивы, которые позволяют найти точки соприкосновения при всех различиях во мнениях. К числу таковых относятся взгляд на проблему из Центральной Европы, фокусировка внимания на Австрии и политике Меттерниха, а также поиск взаимосвязи указанных событий с Венгрией, интегрированной в Австрийскую империю, что остается исходной точкой рассуждений об эпохе. При всем том данные исторические работы исключительно глубоко и разносторонне трактуют указанный период и могут обогатить современного историка содержащимися в них ценными фактами и интерпретациями⁴⁶.

Перевод с венгерского Д.Ю. Ващенко

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Постепенное формирование профессиональной исторической науки – как в других европейских странах – шло бок о бок с ее институционализацией, в чем выдающуюся роль сыграли Венгерское историческое общество и его журнал «*Századok*». По этой теме см.: *Erős V. Modern historiográfia. Az újkori történetírás egy története*. Bp., 2015. 133. old.

² *Romsics I. Clio bővületében. Magyar történetírás a 19–20. században – nemzetközi kitekintéssel*. Bp., 2011. 89. old.

³ *Horváth M. Magyarország történelme*. Pest, 1873. VIII. köt. 477. old.

⁴ *Horváth M. Huszonöt év Magyarország történelméből 1823-tól 1848-ig. Második javított kiadás*. Bp., 1868. I. köt. 19. old.

⁵ *Ibid.* 20. old.

⁶ *Ballagi G. A nemzeti államalkotás kora. A magyar nemzet története*. / Szerk. Szilágy. Bp., 1897. IX. köt. 9. old.

⁷ *Ibidem*.

⁸ *Ibidem*.

⁹ *Ibid.* 16. old.

¹⁰ *Ibidem*.

- ¹¹ *Marczali H.* Az újkor története. A demokratikus mozgalmak és a francia forradalom kora. 1774–1830. Bp., 1885. III. köt. 716. old.
- ¹² *Ibidem.*
- ¹³ *Ibidem.*
- ¹⁴ *Ibid.* 717. old.
- ¹⁵ *Ibid.* 724. old.
- ¹⁶ *Ibidem.*
- ¹⁷ *Ibidem.*
- ¹⁸ *Wertheimer E.* Békekongresszusok és békeszerződések a XIX–XX. században. Bp., 1918. 44. old.
- ¹⁹ *Ibidem.*
- ²⁰ *Ibid.* 45. old.
- ²¹ *Ibidem.*
- ²² *Ibidem.*
- ²³ *Iványi-Grünwald B.* A legújabb kor története. Eszméktől a forradalmakig. Irányelvek az európai diplomáciában. Egyetemes történet / Szerk. B. Hóman, Gy. Szekfű, K. Kerényi. Bp., 1937. IV. köt. 228. old.
- ²⁴ *Ibid.* 225. old.
- ²⁵ *Ibidem.*
- ²⁶ *Ibid.* 226–227. old.
- ²⁷ *Ibid.* 227. old.
- ²⁸ *Ibid.* 228. old.
- ²⁹ *Ibidem.* Здесь необходимо кратко упомянуть одно сочинение, также вышедшее в свет в конце 1930-х годов, которое по-новому освещает историю Священного союза. По мнению Андора Немета (1891–1953), объединение правителей связано не с реакционными мотивами, но скорее с необходимостью охранять и поддерживать мир на континенте. См.: *Németh A.* Metternich, avagy a diplomácia magas iskolája. Bp., 1939. 91. old.
- ³⁰ *Bibó I.* Eltorzult magyar alkat, zsákutcás magyar történelem // Bibó István munkái / Szerk. I.Z. Dénes. Bp., 2012. 125–126. old. (Centenáriumi sorozat. 7).
- ³¹ *Ibid.* 125. old.
- ³² *Ibidem.*
- ³³ *Ibid.* 26. old.
- ³⁴ *Bibó I.* Kéziratok a legitimitásról [1948]. In: Politikai hisztériák. Bibó István munkái. Centenáriumi sorozat. 2 / Szerk. I.Z. Dénes. Bp., 2011. 336.
- ³⁵ *Ibid.* 340. old.
- ³⁶ *Andics E.* A Habsburgok és Romanovok szövetsége. Az 1849. évi magyarországi cári intervenció diplomáciai előtörténete. Bp., 1961. 12. old.
- ³⁷ *Ibid.* 12–13. old.
- ³⁸ *Ibidem.*
- ³⁹ *Varga J.* Magyarország a napóleoni háborúk és a Szent Szövetség idején // Magyarország története / Szerk. E. Molnár. I. köt. Bp., 1964. 416. old.
- ⁴⁰ *Diószegi I.* Klasszikus diplomácia – modern nagyhatalmi politika. Bp., 1967.; *Idem.* Nemzetközi kapcsolatok története, 1789–1918. Bp., 1980.
- ⁴¹ *Diószegi I.* Klasszikus diplomácia. 92–93. old.

⁴² *Kosáry D.* Európa politikai rendszere 1815 után // A történelem veszedelmei. Írások Európáról és Magyarországról. Bp., 1987. 206. old.

⁴³ *Ibidem.*

⁴⁴ *Ibid.* 208–209. old.

⁴⁵ *Ibid.* 209. old.

⁴⁶ Работы Эмиля Нидерхауэра, Эмиля Палоташа, Эндре Арато органически связаны с историей Восточной Европы XIX в., однако в своих исследованиях по общественной, экономической и дипломатической истории они остаются в рамках традиционной интерпретации исторического фона Священного союза, поэтому подробный обзор их сочинений не включен в настоящую работу.